

Н. Русова, В. Шевцов

«Родная земля»

В эпиграф вынесены две финальные строчки из стихотворения, сочиненного самой Ахматовой в послереволюционные годы. А начиналось оно так:

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.

Анна Андреевна не пожелала тогда примкнуть к числу эмигрантов, хотя многие из ее друзей оказались за границей. Решение остаться в Советской России не было ни компромиссом с новой властью, ни согласием с избранным ею курсом. Дело в другом. Ахматова чувствовала, что только разделив собственную судьбу со своим народом, она сможет сохраниться как личность и как поэт. И это предчувствие оказалось вещим: в 1930–60-е годы ее поэтический голос обрел неожиданную силу и мощь. Вобрав в себя всю боль своего времени, ее стихи возвысились над ним и стали выражением общечеловеческого страдания. Но не только страдания — еще и мужества, противостоящего ему. Стихотворение «Родная земля», написанное Ахматовой уже в преклонном возрасте, подводит своеобразный поэтический итог отношению поэта к своей родине.

Само название имеет двойной смысл. «Земля» — это и страна с населяющими ее людьми и со своей историей, и просто почва, по которой ходят эти люди. Впрочем, оба значения связаны друг с другом по смежности (первое из них является метонимией). Ахматова как бы возвращает раздвоенному значению утраченное единство. Это позволяет ей ввести в стихотворение замечательные образы «грязь на калошах», «хруст на зубах», получающие метафорическую нагрузку.

В отношении Ахматовой к родной земле нет ни грана сентиментальности. Первое четверостишие построено на отрицании тех действий, которые принято связывать с проявлением патриотического чувства. Эти действия кажутся ей недостойными: в них нет трезвого мужественного взгляда на Россию. Ахматова не воспринимает свою страну как «обетованный рай» — слишком многое в отечественной истории свидетельствует о трагических сторонах русской жизни. Но нет здесь и обиды за те бедствия, которые «родная земля» приносит живущим на ней. Есть гордая покорность той доле, которую она нам предоставляет. В этой покорности, однако, нет никакого вызова. Более того, в ней нет и осознанного выбора. И в этом — особенность патриотизма Ахматовой. Любовь к России для нее не является итогом пройденного духовного пути, как это было у Лермонтова или Блока; эта любовь дана ей изначально. Ее патриотическое чувство впитано с материнским молоком и потому не может быть подвергнуто никаким рационалистическим коррективам. Связь с родной землей ощущается даже не на духовном, а на физическом уровне: земля представляет собой неотъемлемую часть нашей личности, потому что всем нам предначертано телесно слиться с нею — после смерти.

В стихотворении выделяются три раздела, что подчеркнуто и графически. Первые восемь строк построены как цепь параллельных отрицательных конструкций. Границы фраз совпадают с концами строк, что создает мерную, «настойчивую» интонацию, которая подчеркнута ритмикой пятистопного ямба. После этого следует четверостишие, написанное трехстопным анапестом. Смена размеров на протяжении одного стихотворения — явление достаточно редкое в поэзии. В данном случае этот ритмический «перебой» служит для противопоставления потоку отрицаний заявления о том, как же все-таки воспринимается коллективным лирическим героем «родная земля». Заявление это носит достаточно сниженный лексический характер, что усиливается анафорическим повтором: «Да, для нас это...». И наконец, в финале трехстопный анапест сменяется

четырёхстопным. Такой перебой метра придает двум последним строкам широту поэтического дыхания, которая находит опору в бесконечной глубине заключенного в них смысла.